

О САМООПРЕДЕЛЕНИИ

(ОТРЫВОК)

Мне не раз приходилось излагать свои предложения по этим вопросам. Думаю, здесь надо зафиксировать несколько позиций. Прежде всего процесс реализации права на самоопределение не может считаться законченным, по сути дела, никогда, поскольку никогда не останавливается сам исторический процесс.

Иногда мы слышим такое наивное утверждение: Армения уже самоопределилась, есть Армянская Республика — какое там еще самоопределение Карабаха? В 1961 году была разрушена мировая колониальная система, и африканский континент освободился от влияния империй. Остались произвольно, иногда просто по линейке проведенные границы, разрезающие живое тело разных этносов, разных племен. Сегодня эти племена хотят воссоединиться. И одной из основных задач XXI века будет проблема самоопределения африканских народов и перекройка искусственно проведенных там границ. Может быть, народам с древней культурой, с древней государственной границей не хотелось бы сегодня ничего менять на карте, но им все-таки придется потесниться и дать место нарождающимся государственным структурам. Хотя мы и ругаем государство за то, что оно нередко узурпирует права личности, говорим, что это левифан, который пожирает личностные права и становится самодовлеющей структурой, но ведь именно государство, и порой только государство является гарантом сохранения этнической идентичности, национальной самобытности, национальных языков и традиций. И для каждой нации естественно стремление обрести собственную государственность.

Значит, вот первый принцип, который мы фиксируем: никогда нельзя считать процесс самоопределения для какого-то народа или для мира в целом завершенным. Этот процесс будет продолжаться столько, сколько будет длиться история.

Второй принцип — это приоритетность права народов на самоопределение по сравнению с принципом суверенитета государств и целостности, неизменности границ. Здесь у меня, конечно, больше всего оппонентов. Мою точку зрения разделяют, пожалуй, только Е. Г. Боннэр и Ю. Н. Афанасьев. Обычно даже коллеги по демократическому лагерю готовы с этим спорить. На чем я базирую этот принцип? На том обстоятельстве, что нация является естественной базой гражданского общества. В нации есть национальные идеи и есть многое из того, что мы стремимся построить в гражданском обществе. Это и большое количество неофициальных, не административных, но естественноисторических горизонтальных и вертикальных связей. Я имею в виду этнокультурную преемственность, историческое самосознание, высокую регулирующую роль общественного мнения в качестве фактора социальных норм поведения.

Гражданское общество, разумеется, приоритетно, а государство является лишь механизмом для обслуживания нужд гражданского общества. Это высокое призвание, и дай Бог всем сегодняшним государствам (не говоря уже о нашем) достойно выполнить эту миссию. Миссию, повторяю, вторичную — по обслуживанию гражданского общества, сиречь нации. Во многих случаях гражданское общество совпадает с нацией. И во многих случаях национальные государства имеют больше шансов для решения своих проблем, экономических реформ и т. д.

Третий принцип, который я предлагаю, — введение права на самоопределение в некоторое легальное, конституционное русло, с тем чтобы избежать того хаоса, который нас пугает. Какие же

условия могут ввести процесс самоопределения в такое русло? Я предлагаю три условия. Может быть это сложновато — три условия, — но если кто-нибудь предложит более простую схему, с радостью с ней соглашусь.

Я говорю только о тех народах, которые уже имеют какую-то форму административной, что ли, очерченности. Несколько более сложная ситуация с народами, которые проживают компактно, но не имеют никакой формы административной организации или государственности. Возвращаясь к ситуации с нашими автономиями, признаем наиболее болезненными сегодня Крым, Южную Осетию, Нагорный Карабах и некоторые другие области, Татарстан, Чечено-Ингушетию — те автономии, которые претендуют на выход, в том числе и из России.

Итак, говоря о таких общностях, я бы применила три критерия, или три условия, ограничивающих реализацию права на самоопределение.

Первый критерий — историческая принадлежность данной территории (в данных административных границах) соответствующему этносу. Понимаю всю относительность такого критерия. Он зависит от глубины исторической ретроспективы, к которой мы обратимся. Потому что пятьсот лет назад территория могла принадлежать одному народу, тысячу лет назад — другому, три тысячи лет назад — третьему. И об этом могут идти исторические споры. Трудно установить, какая давность традиций является достаточной для того, чтобы этот фактор можно было рассматривать всерьез. Ну, например, южные осетины живут на своей нынешней территории — от трехсот до шестисот — семисот лет, что в древней грузинской истории может представлять лишь кратким мигом. Но и это уже много поколений предков, много рядов могильных памятников на земле. Повторяю, все относительно. И только один раз в истории мировое сообщество приняло исторический критерий как решающий для самоопределения, для образования формы государственности на землях, где этот народ существовал две тысячи лет назад. Я, конечно, имею в виду случай с образованием государства Израиль. Но это могло произойти только в результате тех невообразимых жертв, которые понесло еврейское население в Европе во время второй мировой войны.

Однако этот критерий (я повторяю, обычно он не может являться решающим фактором) нередко переоценивается в обыденном этническом сознании народа. Ему придается чрезмерно большое эмоциональное значение. Армянские и азербайджанские ученые могут бесконечно спорить о том, кто жил на земле Карабаха две тысячи лет назад. Для специалистов это вопрос бесспорный. Для тех, кто там бывал и видел памятники материальной культуры, это тоже вопрос бесспорный. Но, так или иначе, упражняться в спорах на выбранную тему с разной степенью компетентности можно долго. Значит, предлагаемый критерий не решающий, но чрезвычайно эмоционально насыщенный, и мы не можем его игнорировать.

Второй критерий — современное этническое, этнодемографическое большинство на данной территории, в данных границах. Что далеко не всегда совпадает с историей.

Например, абхазы являются древними жителями Колхидской низменности. Однако сегодня они составляют всего 17% в населении Абхазии. Нахичевань — конечно, часть древней исторической Армении. Но сегодня там 100% — азербайджанцы. Не принимать во внимание этот объективный при решении подобного

вопроса фактор мы, наверное, не можем. Даже если Нахичевань была Арменией в древности, сегодня население там азербайджанское, и, апеллируя только к истории, мы не можем игнорировать нынешнюю этногеографическую реальность. География — главный итог истории.

Третий критерий важнейший, и на самом деле он вбирает в себя первые два — волеизъявление населения, которое сегодня живет в данной административной области. Я подчеркиваю: все го населения — этнического большинства и этнических меньшинств вместе. В редких случаях волеизъявление может быть принято решением парламента, если парламент избран на достаточно демократической основе, чего у нас пока фактически нигде нет. Как правило, волеизъявление должно быть выражено и заявлено путем квалифицированного большинства, то есть двумя третями голосов, не менее 66% при свободном волеизъявлении в ходе референдума.

Если все эти три критерия совпадают, если они в одно и то же время, в одном месте, на одной территории сошлись, мы не можем считаться демократами, если не примем решения о праве такого народа на самоопределение.